

НОММАЖЕ
БАГРАТУ ГАРЕГИНОВИЧУ СЕЙРАНЯНУ,
НАШЕМУ ДРУГУ, КОЛЛЕГЕ, УЧИТЕЛЮ!*

TRIBUTE TO BAGRAT G. SEYRANYAN,
OUR DEAR FRIEND, COLLEAGUE, AND TEACHER!

23 апреля 2021 г. свой 90-летний юбилей отметил выдающийся российский арабист, доктор исторических наук, главный сотрудник Института востоковедения РАН Баграт Гарегинович Сейранян. Его работы по новейшей истории Египта, Йемена и общим проблемам социально-политического развития арабских стран в XX веке уже давно стали классическими. Многие из них были переведены на арабский язык и получили заслуженное признание за рубежом, а такие книги, как «Египет в борьбе за независимость, 1945–1952» (М., 1970) и «Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX – 60-е годы XX в.» (М., 1991) вошли в золотой фонд мировой науки.

Колоссален вклад Баграта Гарегиновича в подготовку новых поколений ученых-востоковедов. Под его руководством было защищено более 40 кандидатских диссертаций, благодаря ему увидело свет множество учебников и учебных пособий, посвященных истории арабского мира.

* Редакция «Восточного курьера» с прискорбием сообщает, что во время подготовки журнала к публикации пришло печальное известие о смерти Баграта Гарегиновича Сейраняна. Мы выражаем искренние соболезнования родным и близким покойного. — *Ред.*

Со словами признания и благодарности со страниц журнала к юбиляру обращаются его друзья, коллеги и ученики¹.

Ключевые слова: история науки, устная история, российская арабистика, Б. Г. Сейранян, ИВ РАН

Для цитирования: Кузнецов В. А. Hommage Баграту Гарегиновичу Сейраняну, нашему другу, коллеге, учителю! *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 26–35. DOI: 10.18254/S268684310015785-1

On April 23, 2021, an outstanding Russian Arabist, Doctor of History, Principal Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Bagrat Garegionovich Seyranyan celebrated his 90th birthday. His works on the recent history of Egypt and Yemen and the general problems of the socio-political development of the Arab countries in the 20th century have long become classic. Many of them were translated into Arabic and received well-deserved recognition abroad, and such books as “Egypt in the Struggle for Independence, 1945–1952” (Moscow, 1970) and “Evolution of the Social Structure of the Countries of the Arab East. Land Aristocracy in the 19th Century – the 60s of the 20th Century” (Moscow, 1991) entered the golden fund of world academy.

The contribution of Bagrat Seyranyan to the training of new generations of orientalists is colossal. Under his leadership there were prepared more than 40 Ph.D. theses, he participated in authoring of numerous textbooks and teaching materials on the history of the Arab world. In this paper friends, colleagues and students address the hero of the day with words of recognition and gratitude.

Keywords: history of science, oral history, Russian Arabic studies, IOS RAS, B. G. Seyranyan

For citation: Vasily A. Kuznetsov. Tribute to Bagrat G. Seyranyan, Our Dear Friend, Colleague, and Teacher! *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 26–35. DOI: 10.18254/S268684310015785-1

ВИТАЛИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ НАУМКИН,
АКАДЕМИК РАН, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН:

Прежде всего, хочу еще раз искренне поздравить Баграта Гарегиновича Сейраняна, замечательного специалиста, замечательного арабиста с замечательным юбилеем — 90-летием.

Баграт Гарегинович вошел в число грандов российского востоковедения, российской арабистики, всю свою жизнь работая в Институте востоковедения. И сегодня, несмотря на почтенный возраст, он продолжает научную работу, оставаясь душой с нами, оставаясь важнейшим членом нашего коллектива. В эти дни хочется вспомнить все те годы, что мы провели с ним и, надеюсь,

проведем в дальнейшем, потому что мы желаем ему долголетия — творческого и физического.

Баграт Гарегинович — один из тех, на ком держалась арабистика в Институте, благодаря кому она развивалась и продолжает развиваться сегодня. Его вклад в наше общее дело неопределим. В чисто человеческом отношении Баграт Гарегинович все эти годы поражал меня своим неизбывным оптимизмом и совершенно уникальной порядочностью, особенно ценной в те трудные времена, когда Институт проходил не только через испытания, с которыми сталкивалась вся наша наука, но и через внутренние конфликты в коллективе. И вместе с тем — уже в чисто научном плане — Баграт Гарегинович всегда от-

¹ Составил © 2021 В. А. Кузнецов, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия.

Vasily A. Kuznetsov, Associate Professor, Department of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; vasiakuznets@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3646-4037.

личался умением глубоко, очень творчески работать в условиях катастрофической нехватки информации, печатных материалов, книг, отсутствия серьезных международных контактов.

Баграт Гарегинович поражает своим виртуозным умением сочетать работу с прессой, особенно египетской (для меня это было и остается очень важным), работу с письменными источниками, опору на конкретные материалы, которые он черпает в научной литературе, с серьезным анализом исторических процессов, которым он всегда находит объяснение, предлагая оригинальную интерпретацию политических процессов. Для Баграта Гарегиновича характерно сочетание глубокого знания фактологического материала, конкретной истории и полета мысли, научного анализа.

Конечно же, Баграт Гарегинович — великолепный организатор арабистики. В годы руководства Сектором истории и Отделом арабских стран, он сделал для института очень многое. Это особенно значимо, учитывая, что речь идет о трудных временах безденежья, подчас невостребованности, когда молодежь покидала институт и не хотела заниматься наукой. Баграт Гарегинович, во всяком случае для меня, был нашей опорой в том смысле, что мы сохранили костяк сначала отдела, а потом и центра Арабских и исламских исследований, подняли его уровень и статус, сделали его более заметным для коллег, для других арабистических центров, не только научных, но и образовательных.

Для Баграта Гарегиновича вообще характерна способность передавать свой опыт молодым: всю свою научную жизнь он кем-то руководит, обсуждает с коллегами научные проблемы, к нему приходят за советом и молодые ученые, и коллеги постарше. Все те годы, что мы работаем вместе, у него всегда были аспиранты, только защищенных под его руководством диссертаций больше сорока. Особенно надо отметить его вклад в подготовку ученых из арабских стран, а раньше в Отделе арабских стран их было очень много. Обсуждение их работ, диссертаций, руководство ими требует особой квалифика-

ции — неудивительно поэтому, что он всегда пользовался колоссальным уважением этих людей. Сегодня у нас, к сожалению, меньше зарубежных аспирантов, но в ближайшем будущем мы это наверстаем, такие планы есть.

Баграта Гарегиновича очень любят и в других исследовательских центрах на территории бывшего СССР, естественно, прежде всего в Армении, где еще остались люди его поколения.

Перечислять достоинства Баграта Гарегиновича можно очень долго, но все-таки для меня он прежде всего замечательный человек, коллега, товарищ и преданный своему делу ученый, которого очень любят все, кто с ним работал, продолжает работать, продолжает общаться.

Когда человек живет такой наполненной жизнью, достигает такого возраста, с одной стороны, всегда приятно желать ему здоровья, личного счастья и дальнейших творческих успехов, с другой стороны, понимаешь, что возраст свое берет, конечно, и понятно, что не так много людей способны продолжать творить. Но меня радует, что Баграт Гарегинович сохраняет ясность ума, сохраняет интерес к нашему делу, нашей профессии, не теряет связи с Институтом, и поэтому я хочу пожелать ему всего самого наилучшего.

АЛИКБЕР КАЛАБЕКОВИЧ АЛИКБЕРОВ,
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РАН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК:

С Багратом Гарегиновичем Сейраняном я познакомился в 2000 г., когда переехал из Петербурга в Москву. В Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН (ныне — Институт восточных рукописей РАН) я работал в Секторе Ближнего Востока, поэтому при переводе в головной институт оказался в Отделе арабских исследований, которым руководил В. В. Наумкин. Сектор истории арабских стран в этом отделе возглавлял как раз Баграт Гарегинович (позже он передал эту эстафету мне).

Говорят, что первые впечатления о человеке — самые верные. У меня сразу сложилось впечатление о Баграте Гарегиновиче как об очень добром,

мудром и отзывчивом человеке. В подтверждение своих слов приведу всего два примера.

За несколько недель до начала вторжения американцев в Ирак в марте 2003 г. группа сотрудников Отдела арабских исследований во главе с В. В. Наумкиным совершила поездку в Багдад на конференцию, посвященную 1180-летию Дома мудрости (*Байт ал-хикма*) — знаменитой исламской академии, основанной в 823 г. халифом ал-Ма'муном. С нами был и Баграт Гарегинович. Помню, как нас поселили в роскошной пятизвездочной гостинице «Ар-Рашид» (имеется в виду знаменитый аббасидский халиф Харун ар-Рашид, которого все хорошо помнят из сказок 1001 ночи). Из-за санкций огромная гостиница пустовала, кажется, мы были ее единственными гостями.

На следующий день с утра несколько молодых людей (кажется, Дмитрий Макаров, Дмитрий Мишин и я) вместе с Багратам Гарегиновичем пошли гулять по городу, представлявшему собой какую-то фантазмагорию: на фоне следов былого благополучия из-за многолетних санкций везде царил бедность, неухоженность, разруха. Где-то в центре остановились у общепитного уличного киоска, где продавались свежесжатые соки. Цены были смехотворные, но и антураж соответствующий — мягко говоря, неприглядный. Несмотря на то что допотопного вида соковыжималка и явное отсутствие каких-либо санитарно-гигиенических норм отбивали охоту пить, Баграт Гарегинович заказал себе гранатовый сок. Остальные воздержались, я даже попытался отговорить его, посчитав это делом рискованным. Но в отличие от нас Баграт Гарегинович имел большой жизненный опыт. Он снисходительно улыбнулся и сказал, что в столь оживленных местах об этом можно не беспокоиться. В гостиницу мы вернулись с опозданием, но в помпезно обставленных интерьерах нам торжественно накрыли стол. И надо же было такому случиться, что в результате трапезы мы все отравились, кроме Баграта Гарегиновича, — как раз из-за гранатового сока, знаменитого своими обеззараживающими свойствами.

Действительно, не все то золото, что блестит, иногда совсем наоборот.

Вторая история связана с посещением исторических памятников Ирака. Кажется, в один из дней после конференции мы поехали в том же составе в Кербелу. Естественно, захотели посетить священную для шиитов мечеть **Имама Хусайна**, сына Али ибн Аби Талиба и Фатимы, дочери пророка Мухаммада (он трагически погиб вместе с родными и сторонниками 10 октября 680 г. в результате сражения с войсками омеядского халифа Йазидом). Сторонники Али восприняли это событие как жестокую расправу над политическим соперником, чем оно, в сущности, и было. В знак памяти о мученической гибели Хусайна шииты каждый год отмечают Ашуру, истязают себя, кричат «шахсей-вахсей» (на самом деле: «Шах-Хусайн, вах, Хусайн!»). Это я рассказываю, для того чтобы было понятно остальное. Обычно в мечети в мусульманских странах пускают всех желающих. Но здесь несколько человек остановили нас у ограды мечети и спросили: «Вы мусульмане?», Дмитрий Макаров ответил, что нет. Выяснилось, что вход в святыню для немусульман закрыт. Тогда коллеги уговорили меня пойти и посмотреть, чтобы я потом передал им свои впечатления.

Помню, меня эти иракцы на всякий случай попросили произнести формулу *шахады* «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Это было страховкой: произнеся эти слова на арабском языке, человек становится мусульманином, если даже не был им прежде. В итоге я попал внутрь мечети один, и обнаружил себя в обстановке глубокой, если не сказать вселенской, скорби. Взрослые мужчины плакали навзрыд, держась руками за ограду мавзолея, рыдали так, будто трагические события произошли вчера, а не тысячу с лишним лет тому назад. Конечно, это были незабываемые впечатления. Когда я рассказал об увиденном коллегам, Баграт Гарегинович сразу захотел туда пойти, невзирая на необходимость произнесения *шахады*. Поскольку мы отошли достаточно далеко, и к тому же уже опаздывали, мы не вернулись в ме-

четь, но меня поразила открытость Баграта Гарегиновича миру. Это была позиция настоящего исследователя, пытливого и любознательного ученого, а не обычного человека с привычными мировоззренческими ограничениями.

Исключительно научной позиции Багра́т Гарегинович придерживался всегда, независимо от обсуждаемой темы. Даже когда обсуждались работы, посвященные конфликту вокруг Нагорного Карабаха. Обычно эксперты с армянскими корнями выступают с плохо скрывааемых проармянских позиций, но Багра́т Гарегинович проявлял удивительную способность трезвого и непредвзятого анализа самых непростых проблем. Жаль, что таких специалистов, для которых объективность, научность и историчность превыше всего, в экспертном сообществе не так много, можно было бы избежать многих ошибок в экспертных оценках, соответственно, и в реальной политике.

Василий Александрович Кузнецов, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук:

Так получается, что я познакомился с Багра́том Гарегиновичем задолго до того, как он познакомился со мной, хотя он этого и не знает. Еще будучи студентом ИСАА и занимаясь средневековым арабо-мусульманским историописанием, я много работал в Восточном кабинете Исторической библиотеки. Кто бывал там, знает: это совсем небольшой зал, столов на двенадцать, и посещают его, как правило, одни и те же люди. И вот, когда бы я ни приходил туда поработать, осенью или весной, утром или ближе к вечеру, за одним и тем же столом в углу всегда сидел этот человек. Я не знал его имени и понятия не имел, чем он занимается, но фигура невысокого ученого, делающего выписки из лежащих рядом стопкой томов, стала для меня каким-то неизменным атрибутом библиотеки.

В те времена я мало интересовался новейшей историей, и, сказать честно, фамилия Сейраняна вряд ли сказала бы мне о многом.

Общаться мы стали уже позже — в стенах Института востоковедения, когда в начале 2011 г. молодым кандидатом наук я поступил туда работать под начало Баграта Гарегиновича и познакомился не только с самыми знаменитыми его трудами, посвященными национально-освободительному движению в Египте и египетской земельной аристократии, но и с куда менее известными публикациями по Саудовской Аравии и Йемену.

При первой же нашей беседе я был впечатлен тем, сколь точно его исполненная неторопливой рассудительности манера общения совпадает с представлением о настоящем историке, сложившимся у меня в голове в годы пребывания в «историчке». Полное соответствие формы и содержания, совершенная целостность. Подобно тому, как ранее он стал для меня олицетворением Восточного кабинета, теперь он превратился в живое воплощение образа историка-востоковеда. Уже позже я оценил, что его спокойные суждения относительно самых разных вещей неизменно основывались на чрезвычайно точном понимании логики политического процесса в арабских странах, что его внешне бесстрастный взгляд на бурные события начала 2010-х гг. на Ближнем Востоке был куда ценнее тех эмоциональных оценок, что оказались тогда столь популярны в нашем сообществе и которые, чего скрывать, я и сам подчас разделял. В этом взгляде не было ни прекраснодушия революционных надежд, ни утрюмого пессимизма, ни ностальгии по утраченной стабильности. В нем было понимание неотвратимости судьбы, неизбежности последствий и то, что можно назвать глубоким историческим чувством, мудростью ученого. Конечно, отчасти эта мудрость основывается на энциклопедических знаниях, но не только на них. В не меньшей степени она основана на широчайшей культурной традиции — русской, армянской, грузинской, арабской, европейской (как он поет итальянские песни!), к которой принадлежит Багра́т Гарегинович, и на огромном опыте рефлексии.

Как раз этот опыт рефлексии и позволяет Багра́ту Гарегиновичу Сейраняну оставаться

стойким в те моменты, когда, кажется, хочется все бросить, когда стойкость уже почти невозможна, когда никто не осудит за компромисс. Но нет, Сейранян не идет на компромисс, он выслушивает, почти не спорит, даже улыбается — и стоит на своем.

Потому что знает, что он прав.

Дорогой Баграт Гарегинович, я бы очень хотел однажды обрести такую же силу воли, такую же негибкость, такую же мудрость, что у вас.

С днем рождения!

Александр Иванович Яковлев,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН:

В далекие 1960-е годы Отдел арабских стран Института востоковедения АН СССР (Армянский переулок, дом 2) находился на третьем этаже в длинной и узкой как пенал комнате. Перед единственным окном стоял стол заведующего отделом Евгения Александровича Лебедева и возле стены стол машинистки отдела — Аллы. В то докомпьютерное время сотрудники отдавали свои рукописные работы ей, а она быстро и очень чисто, почти без опечаток, печатала их на белых листах бумаги в четырех экземплярах, что требовалось для обсуждения работы.

На всех столов не хватало. В присутственные дни — понедельник, среду и пятницу, а для старших научных сотрудников только в понедельник и среду — в комнате становилось тесно. За столами рассаживались Наталья Сергеевна Луцкая, Ирина Михайловна Смилянская, Лев Николаевич Котлов, Николай Алексеевич Иванов и Алексей Федорович Федченко, все трое — страстные курильщики, выделявшиеся высоким ростом Даниил Иванович Юсупов и Всеволод Михайлович Федоренко, немногословный Дмитрий Родионович Вобликов, деловитый Роберт Григорьевич Ланда и Абдурахман Фасляхович Султанов, своей внешней строгостью вызывавший желание его обойти. Живой по характеру Николай Васильевич Лифанов, ровесник Ланды и Султанова, теснился рядом. У двери сяди-

лась отдельская молодежь, недавно защитившие кандидатские диссертации Елена Карловна Голубовская, Лидия Васильевна Валькова и Инна Иванова, Этери Павлуцкая и недавно пришедшая Галя Смирнова, аспиранты Володя Исаев и Саша Филоник.

Баграт Гарегинович, которого тогда никто по отчеству не называл, скромно находил себе свободное место. Он уже защитил в 1965 г. кандидатскую диссертацию «Национально-освободительная борьба египетского народа после Второй мировой войны (1945–1952)», готовил по ней монографию «Египет в борьбе за независимость». Книга вышла в 1974 г., а в 1984 г. была издана в Каире на арабском языке. Но тогда все было еще впереди.

Скромного Баграта все уважали. В большом коллективе отдела, состоявшем из интересных и много знающих специалистов, он занимал особое место. Помню, как мне, тогда мальчишке, работавшему в дирекции Института, приходилось звать Сейраняна на встречу с какими-нибудь арабскими деятелями, приехавшими к директору Гафурову. Иногда находил его в конце протяженного коридора, где стоял стол для настольного тенниса, за которым в обеденный перерыв — случалось, и далеко после — сражались разные сотрудники, включая азартного заведующего отделом кадров Александра Ивановича Кошкина. Почему-то запомнилось, как однажды, войдя в кабинет Гафурова, я услышал: «Саша, позовите ко мне Перцеву и Сейраняна». Перцева была заместителем Кошкина, который к тому времени угодил в больницу с сердечным приступом после проигрыша в настольном теннисе.

Дело нехитрое. Я пробежал по лестнице наверх в отдел, который меня сильно притягивал. «Саша, а зачем меня зовет Гафуров?» — спросил Сейранян. «Не знаю», — честно ответил я. Когда мы уже втроем спускались по лестнице, он повторил этот вопрос Перцевой. «Баграт, ты хочешь быть ученым секретарем Института?» — ответила она вопросом. «Не знаю...». И я тогда подумал, что Сейранян не только не курит, но и не обладает большим честолюбием.

Назначение Сейраняна на эту должность оказалось неожиданностью и вызвало обсуждение в коридорах Института. На этом посту он сменял Кима Владимировича Малаховского, ставшего заместителем директора, человека высокого, видного, носившего отлично пошитые костюмы и гордо державшего старательно причесанную седовласую голову. «Ну какой из Баграта ученый секретарь? — огорченно рассуждал при мне один из востоковедов, не пропускавший случая заглянуть в дирекцию. — Ученый секретарь — это лицо Института! Надо, чтобы сразу внушал почтение...». Но видимо, Гафуров думал иначе. Мудрому и многоопытному Бободжану Гафуровичу в непростые 70-е годы нужен был надежный человек, которому он мог доверять. Таким человеком и оказался Баграт Гарегинович, отработавший на посту ученого секретаря 1971–1979 годы.

Что вспомнить? Год за годом, день за днем текли как вода, естественно и незаметно. После смерти Гафурова Институт переехал на Рождественку, дом 12, директором стал Примаков. Арабский отдел переезжал с этажа на этаж, менялись заведующие, уходили одни сотрудники и приходили другие, а Сейранян, которого уже привычно называли по имени и отчеству, занимался своим делом — арабистикой.

В то время я работал в Отделе общих проблем, но по-прежнему тянулся к арабскому отделу (куда и втянулся, в конечном счете, при поддержке В. В. Наумкина). Конечно, мы часто виделись с Багратом Гарегиновичем, и я ценил его теплое отношение. Особенно я ощутил это, во-первых, при участии в написании 6 тома истории Востока, для которого подготовил очерк об истории Саудовской Аравии. Сейранян знает не только Египет, и поэтому у меня были сомнения, примет ли он мой сжатый по необходимости обзор социально-политической и экономической истории королевства. Я знал, что он внимательно читает — не просматривает — чужие тексты. Были вопросы с его стороны, последовали уточнения с моей стороны, и текст вошел в этот престижный проект Института.

Во-вторых, до сих пор ощущаю благодарность Баграту Гарегиновичу за поддержку во время защиты моих диссертаций. В 1999 г., казалось бы, после согласия председателя совета В. В. Наумкина на постановку работы на защиту следовало просто собирать документы и писать свое слово. Но мы-то знаем, как непросто это «просто», как много тут волнений, сомнений, страхов, которые необходимо пройти на пути ко дню защиты. Будучи многолетним заместителем председателя диссертационного совета, Баграт Гарегинович знал и понимал как вопросы процедуры, так и механику прохождения защиты. «Не волнуйтесь, Саша», — успокаивал он меня. Вот это понимание другого человека, готовность помочь советом, сказать ободряющее слово я во всей полноте ощутил в важные для меня дни. И за это всегда благодарен Баграту Гарегиновичу.

АЛЕКСАНДР ОСКАРОВИЧ ФИЛОНИК,
КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН :

Я пришел в Институт народов Азии, так тогда называлось наше нынешнее федеральное бюджетное учреждение науки, и сразу попал из суматошных армейских будней в обстановку Академии наук, где было царство кандидатов и докторов и где все дышало фундаментальностью, основательностью, которые как-то даже навевали трепет. Сотрудники отдела в те далекие годы были существенно старше меня, совсем недавнего студента, и вызывали почтение уже только тем, что раньше они меня учили, а теперь становились коллегами. С Багратом Гарегиновичем я познакомился не сразу. Как помнится, он в скором времени стал ученым секретарем Института, в отдел не навещался, к тому же долгое время был на этой должности, крайне неспокойной, и видел я его со стороны в коридорах почти всегда быстрым, сосредоточенным и, казалось, неразговорчивым. Честно говоря, я его не то чтобы побаивался, но молодому аспиранту он казался недосягаемым, почти как директор института.

Постепенно, конечно, разница в годах съедалась, и барьеры в общении уже не казались такими высокими. Но все равно, сближение было неспешным, и я понимал, что пока не могу составить компанию трем-четырем выдающимся арабистам, с которыми Баграт Гарегинович запросто ходил обедать в положенное время и вообще был с ними на короткой ноге.

Но зато потом, уже в новом здании, неизбежное произошло, и я гораздо теснее сблизился с нашим уважаемым Б. Г. Оказалось, что он приветливый, спокойный и рассудительный. Нетороплив, но всюду поспевал, очень взвешенный, проницательный и справедливый. За десятки лет никогда не слышал, чтобы он повышал голос, сердился как-то, если это и было, может быть, он никогда не показывал вида. Вообще, что мне нравится в нем, это его характер — принципиальный, понимаешь, что имеешь дело с человеком слова и дела, и в то же время у него добрая душа и мудрый взгляд на жизнь. В бытность его руководителем Центра, он многое брал на себя даже не по обязанности, а просто по широте души, и я старался перенять у него манеру общения с окружающими.

Баграт Гарегинович очень мужественный человек. Он долгое время нездоров и стойко переносит невзгоды, не теряя воли, не поддаваясь унынию. Его профессия — историк. Это надо бы написать с большой буквы. Историк. Такая преданность делу, которому он посвятил жизнь, просто невиданна. Это родовый знак поколения, к которому он принадлежит. Его жизнь во многом проходила в Историчке, где у него было свое место, и я представляю горы книг, которые он читает на английском, арабском, как он скрупулезен в работе, перепроверяет источники, ищет детали и стремится жить той эпохой, о которой пишет. Его любимая страна — Египет, хотя он довольно долго проработал переводчиком в Йемене и любил его, но несколько позднее изменял ему с Саудовской Аравией.

Он и сейчас сидит у компьютера, отслеживая то, что происходит в Египте, интересуется всем. У него широкий кругозор и цепкий взгляд, он

любит классическую музыку и обожает оперу, даже поет известные арии. Вообще он человек многогранный, много знающий, чувствует юмор и любит шутки. Как-то ехали нашей группой из аэропорта Уфы в гостиницу, на конференцию. Б. Г. как старейшина сел рядом с водителем и увлеченно предался беседе с ним. А мы что-то обсуждали, и полет мысли привел нас к слову «лошак». Выяснилось, что никто из господ научных сотрудников не знает точно смысла этого слова. И тогда решили прервать Б. Г. и спросить у него как у самого умудренного. Он живо откликнулся и сказал — как же, как же, это же известный журналист. Автобусик дрогнул от хохота, настолько ответ оказался мгновенным и смешным — никто из нас и не вспомнил Лошака. А смеялись еще потому, что Баграт Гарегинович показал класс мобилизационной готовности и молниеносности мысли. До сих пор вспоминаем с улыбкой.

Об этом человеке вообще можно говорить много и долго. Он эпоха, он пример и образец отношения к людям и науке. Он правильный человек, достойный самого высоко уважения.

Хочу пожелать ему здоровья, сил, многая лета, всего самого доброго, чего он заслуживает в полной мере!

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ САРАБЬЕВ,
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК:

С Багратом Гарегиновичем я впервые познакомился в 2003 г., когда меня представляли будущему научному руководителю, Александру Оскаровичу Филонику. В крохотном кабинете, уставленном книгами и периодикой на арабском языке, размещались оба этих выдающихся арабиста: два стола вплотную друг к другу напротив, спинки стульев касаются стен. Когда я, великовозрастный выпускник историко-филологического факультета с рекомендацией в аспирантуру, наводил справки, мне советовали идти в Институт востоковедения РАН и называли две причины: во-первых, там работают настоящие

исследователи, по своему богатому опыту знающие арабские страны, часто и по долгу бывающие там, а во-вторых, в Институте очень хорошая атмосфера — доброжелательная и лишенная мелочных склок, увы, нередких в коллективах работников умственного труда и преподавательского состава. В обоих этих свойствах я и убедился в том кабинете, когда, робея, переступил его порог: приветливость, живое, хотя и строго на профессиональные темы общение, искренняя заинтересованность.

Баграт Гарегинович произвел тогда впечатлительное классического профессора — строгого и занятого (помню, он читал какую-то арабскую статью), скрупулезного (это стало ясно из лежащих на его столе листков с редактурой, испещренных правкой), солидного, сдержанного в движениях. Несмотря на занятость, он тут же подключился к нашему разговору и парой метких вопросов выяснил необходимое для себя — каков круг интересов человека, что пришел к его коллеге, а наверное еще и может ли выйти какой-то толк из этого будущего аспиранта. Поразила его доброжелательность, обаятельная и сдержанная улыбка. Сознаю, меня обнадежили тогда оба обитателя того скромного кабинета: вот, подумалось мне, эти замечательные ученые не могут не сделать из меня историка.

Потом я узнал, насколько принципиальным и не терпящим аспирантской нерадивости является Баграт Гарегинович (я был свидетелем сухого и страшного, как гром без дождя, «разбора полета» одного его подопечного). И узнал, конечно, насколько он человек жизнерадостный, любящий спорт, природу, хорошую компанию. По прошествии многих лет, когда мне посчастливилось стать младшим коллегой прекрасного, дружного коллектива Центра арабских исследований, Баграт Гарегинович много рассказывал о своей юности, своих друзьях (по молодости они были «не разлей вода» с другим нашим заслуженным востоковедом, Анатолием Михайловичем Хазановым), о своих исследовательских опытах, идеях.

Рассказывал о своих первых шагах в Москве, когда он, тбилисский армянин, попал в новую

для него среду, поразившую размахом и красотой. Кстати, в Институте, и особенно в нашем арабском отделе работала целая плеяда «великих армян», востоковедов с большой буквы. А одна из них, ныне здравствующая Эльза Патвакановна Пир-Будагова — тоже родом из Тбилиси.

Баграт Гарегинович для меня — настоящий представитель интеллигенции и настоящий ученый. Эти две ипостаси подтверждались, когда я набирался опыта в коллективе прославленных авторов известных на всю страну работ по Арабскому Востоку. Подтверждаются они и по сей день, когда мы периодически созваниваемся, и Баграт Гарегинович находит время и силы, чтобы поделиться своими новыми мыслями, подмеченными явлениями в истории Египта первых десятилетий XX в., над чем он в данный момент работает. Он с таким увлечением передает факты политики британской администрации периода протектората и логику своих умозаключений, так безжалостно корректирует свои собственные прошлые выводы, что ясно понимаешь — перед тобой разворачивается первоклассный образец научного творчества! Это и есть наука, а он и есть ученый — скромный, целеустремленный, бесконечно влюбленный в историю и в само познание. «Вы знаете, Алексей, — говорил он мне, — как я представляю себе рай? Это бесконечная библиотека с бесконечным количеством разных книг». Я усвоил себе этот глубокий образ, и бесконечно признателен за это откровение.

Вторая сторона Баграта Гарегиновича, которую считаю для себя образцом, это его тонкое знание, а главное, неиссякаемый интерес к культуре — мировой и особенно отечественной. Интеллигентность, по-моему, — это цельность, укорененная в культуре и науке, причастность к стране, в которой живешь, к ее истории и ее людям. Эти качества я с детства подмечал в своем отце, ученом-химике, великом изобретателе. Так и Баграт Гарегинович даже в беседах на рабочие темы нередко упоминает литературные произведения, называет имена поэтов, музыкантов, художников. Часто и с удовольствием говорит

о впечатлениях, которые получил когда-то от того или иного произведения. Это настоящая передача человеческого опыта, такое обогащение живой энергией целой эпохи, значение и размер которого чувствуешь далеко не сразу. В этом смысле Баграт Гарегинович — мудрый воспитатель, строгий и открытый для общения, серьезный и с прекрасным чувством юмора, многоопытный и охотно делящийся своим опытом с заинтересованным учеником.

Здоровья, сил и новых творческих идей вам, дорогой наш Баграт Гарегинович!

ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА МОСКАЛЕЦ,
младший научный сотрудник
Института востоковедения РАН:

Я могла бы много написать о серьезных и важных достижениях выдающегося ученого — Баграта Гарегиновича Сейраняна, только об этом и так известно и в научном мире, и далеко за его пределами. А Баграт Гарегинович, в первую очередь, — Человек, Человек с большой буквы.

Мне очень повезло, когда много лет назад доктор наук Сейранян согласился стать моим научным руководителем. При первой же встрече он произвел на меня самое доброе и приятное впечатление. Он расположил к себе своей интеллигентностью и доброжелательностью, позже я смогла убедиться в его блестящей эрудиции и широком кругозоре по многим отраслям знаний. Благодаря своим мудрости, доброте, чуткости и таланту преподавателя, Баграт Гарегинович стал для меня и Наставником и Учителем жизни.

В перерывах между работой Баграт Гарегинович уже рассказал и, уверена, еще расскажет очень много интересных и любопытных историй из своей жизни, о детстве, о случайности,

которая превратила потенциального певца-музыканта в известного профессора-востоковеда, не утратившего способности исполнять задушевные романсы. А вспоминая о своих родителях, Баграт Гарегинович, несмотря на почтенный возраст, превращается в благодарного любящего сына.

Баграт Гарегинович умеет рассказывать так, что ты оказываешься в Сололаки (район Тбилиси, где прошли его детство и юность). В уютном доме, где витает тонкий аромат сирени, цветущей в Грузии в конце апреля, как раз на день рождения юбиляра, а через минуту откроется дверь, и зайдет на минутку сосед — знаменитый композитор Армен Тигранян, друг отца Баграта Гарегиновича, который был известным человеком в Тбилиси. Порой, наслушавшись этих красочных рассказов, так и хочется поехать в Тбилиси, окунуться в мир театра, музыки и поэзии, столь близких этому удивительному Человеку.

Однако при всем своем романтизме, Баграт Гарегинович исключительно пунктуален и требователен в работе. Он не позволяет оставлять без внимания ни одной неточности или халтуры в любом тексте. Для него просто не существует неважных бумажек. Баграт Гарегинович требует выверять каждое слово так тщательно, чтобы не возникало и мысли о сомнении в истинности изложения.

Я благодарна своему научному руководителю за его терпение и веру в меня, он привил мне любовь к науке и научил подходить творчески к любым, даже очень сложным задачам. От души желаю дорогому Баграту Гарегиновичу в первую очередь крепкого здоровья, пусть жизнь дарит вам еще много счастливых дней и радостных праздников, творческих успехов и неиссякаемой энергии, чтобы реализовать все намеченные планы!

